

Недосмотришь сам...

Как только миновала новогодняя суета, отец вновь заколесил по стране. Опыт последних двух лет убедил его: стоит перестать будоражить обкомы, подталкивать заготовителей, подхлестывать московских чиновников, как все тут же опускают руки, урожай собирают, как бог на душу положит, а начальники всех рангов успокаивают центр отписками. Другими словами, энтропия нарастает неуклонно. Отец вряд ли задумывался об энтропии и вообще этого слова, скорее всего, не знал, но твердо усвоил: недосмотришь сам – все пойдет наперекосяк.

Продолжились и кадровые перемены. 20 января Аверкий Аристов, заместитель отца в Бюро ЦК по РСФСР, секретарь ЦК, проглядевший прошлогодние безобразия в Рязани, Туле и других подопечных ему регионах, лишился своих постов. По мнению отца, для работы в ЦК «Аристов оказался человеком слишком спокойным, вольным казаком. Скажет речь – и

доволен. Он честный, хороший человек, но слабый работник». Аристова отправили послом в Польшу.

В Бюро ЦК по РСФСР на его место перевели Оренбургского секретаря Воронова, человека энергичного, знающего и требовательного. По итогам 1960 года его область оказалась в передовых.

24 января отец в Киеве. Проводит совещание сельхозактива, корит их за прошлогодние упущения. В ответ Подгорный, секретарь ЦК Украины, клянется, что положение исправит, в 1961 году Украина не подведет.

Затем отец осматривает киевское метро. Его первую линию открыли под самый Новый год. Все знают, отец равнодушен к Киеву, но строительству киевского метро он противился более кого-либо иного: метро стоит дорого, на эти деньги можно построить тысячи квартир, а улицы города не особенно загружены. В конце концов украинцы уломали отца: город растет, пройдет еще десяток лет и наземный транспорт не справится. В подтверждение предоставили соответствующие расчеты. Теперь отец в окружении местных руководителей и толпы любопытных, — отец запрещал охране «расчищать объект» к его приезду, — перепрыгивая с поезда на поезд (в каждом составе один вагон резервировали только для высоких гостей), осматривал пока еще немногочисленные подземные станции. Увиденным отец остался доволен: станции просторные, светлые, без «излишеств».

Отец не понаслышке знал, во что обошлись стране в голодные тридцатые годы московские подземные дворцы. Тогда он по поручению Сталина вплотную занимался строительством первой очереди московского метро. Через него шли заказы на мрамор для отделки станций: для «Красных ворот» — кроваво-красный, с месторождения Шроша, для других — сероватый, добывавшийся в местечке Уфалей.⁶⁴ Из сверхдефицитной бронзы отливали скульптуры для станции «Площадь революции». Сколько людей за эти деньги можно было бы переселить из бараков! Теперь, придя к власти, отец требовал и от архитекторов, и от строителей думать не о собственном бессмертии, а считать народные деньги. Станции киевского метро получились достойными и не особенно дорогими.

1 февраля он в Ростове инспектирует готовность Северокавказского региона к весеннему севу, не удовлетворившись отчетами, объезжает окрестные поля, чтобы все увидеть своими глазами. Если не все, то сколько получится. Такие «неожиданные» инспекции подтягивают и соседей, даже если в тот раз Хрущев к ним не нагрязнул, но мог и нагрязнуть. 2 февраля он осматривает новые сельскохозяйственные машины. В Ростове находится один из лучших в стране заводов по производству комбайнов.

4 февраля отец — в Тбилиси. Снова совещание, объезд хозяйств и посещение выставки техники, разработанной для обслуживания виноградников и чайных плантаций. Из Тбилиси отец поездом, чтобы побольше увидеть из окна вагона, переезжает в Воронеж. Там 11 февраля собирает совещание аграриев не только черноземных областей, но представителей Поволжья. Говорят о севе, о новых закупаемых у капиталистов животноводческих и птицеводческих комплексах, о кормовых единицах, сбалансированности кормов и их эффективности в привесе скота.

Степан Дмитриевич Хитров, недавно избранный секретарем Воронежского обкома, к приезду отца «подготовился особенно тщательно». Наверное, слишком «тщательно». На совещании отец зачитал письмо домохозяйки с рассказом о том, как город спешно прихорашивали к его приезду, в магазины завезли вдоволь молока, мяса, появилась дешевая колбаса. «Но слышишь разговоры, — пенял отец, — что после отъезда товарища Хрущева все пропадет

⁶⁴ Шроша — железнодорожная станция в Грузии, где добывали мрамор красного цвета. Верхний Уфалей — городок в Челябинской области.

и опять придется стоять в очередях, не зная, принесешь домой, что надо, или вернешься ни с чем».

Подобные письма отец получал регулярно и так же регулярно наедине и прилюдно «совестил» секретарей обкомов, отлично понимая тщетность своих увещаний, потому что только изобилие покончит с тягой начальников к «потемкинским деревням».

А вот другое полученное в день отъезда из Тбилиси письмо его не на шутку разозлило и расстроило.

«Перед Вашим приездом в Воронеж, – писали ему анонимы, – директор птицефабрики Новоусмановского района т. Зевин и управляющий отделением совхоза т. Крошка взяли у товарища Хренова, путевого дорожного мастера станции Боево Юго-Восточной железной дороги, рельс длиной 25 метров, приспособили его тросами к трактору и стали пригибать к земле кукурузу, не убранную вовремя с площади в 300 гектаров. Их примеру следовали и другие руководители. Много в нашей области пропало урожая. Мы, рабочие станции Боево, считаем, что Вы, Никита Сергеевич, накажете их за очковтирательство... 8 февраля 1961 года».

Через то злосчастное поле пролегла дорога к строящейся Воронежской атомной станции. Местные начальники не сомневались – Хрущев не удержится, поедет взглянуть на значимую стройку, вот и навели «порядок».

Письмо отцу прочитали уже в поезде. Он верил и не хотел верить. Попросил сопровождавшего его редактора «Правды» Сатюкова поручить своему воронежскому корреспонденту потихоньку разведать, правду ли написали в письме. Как только на ближайшей остановке вагон отца подключили к связи, Сатюков дозвонился до Воронежа. Однако «потихоньку» не получилось, о корреспонденте, вынюхивающем что-то на кукурузном поле, тут же доложили в обком. По возвращении в город его перехватила милиция и доставила к Хитрову. Устроить выволочку корреспонденту главной партийной газеты он не решился, попытался выведать, с чего это его понесло на кукурузное поле. Корреспондент, проинструктированный Сатюковым, правды не выдал, объяснил, что ехал на атомную станцию, но машина забарахлила и, пока шофер ее чинил, он прогуливался по округе. Хитров ему, естественно, не поверил, но и поделаться ничего не мог.

По приезде в Воронеж отец потребовал от Хитрова объяснений.

«И что же, – возмущался он с трибуны совещания, – Хитров не запирался. Трактор действительно таскал рельс, но дело, якобы, обстоит не так, как написали. Директор совхоза вовремя обломал все початки на кукурузе, а чтобы убрать стебли попросил у железнодорожников рельс. Это что-то новое в сельскохозяйственной технике».

Отца не столько возмутил сам факт – в стране каждый год уходили под снег неубранными поля пшеницы, кукурузы, картошки с морковью, где из-за ранней зимы, где из-за нераспорядительности. Отца потрясла наглая ложь секретаря обкома. Ложь прямо в глаза. И кому? Ему, первому лицу в государстве. Однако отец сдержался, скандала не устроил. Что толку скандалить? Не в хитроумном Хитрове дело, не работает сама обкомовская система. С ней и надо разбираться.

Хитров уцелел, в кресле секретаря Воронежского обкома пересидел самого Хрущева. Потом, в 1967 году, после косыгинской реформы и восстановления министерств стал министром сельского строительства. В 1982 году вышел на пенсию.

12 февраля отец возвращается из Воронежа в Москву. 16 февраля 1961 года на заседании Президиума ЦК он, по горячим следам, делится впечатлениями. Начинает с успехов, но очень быстро скатывается к тому, что его по-настоящему волнует: к управлению регионами, к обкомам, к их первым секретарям. От них зависит будущий успех или неуспех. Впечатления у отца нерадужные. Пересказывая историю с рельсом, отец бросает упрек Полянскому – это он протолкнул Хитрова на обком.

– Просто гоголевские времена! – восклицает отец.

Действительно, за прошедшие сто лет в российской глубинке мало что изменилось. Рассыпалась в прах монархия, прогремела революция. И что же? Место городничего занял секретарь обкома. Начальник милиции вместо полицмейстера выслеживает «бумагомараку» – столичного журналиста, чтобы тот не «разнес по всему свету историю». Вот только ревизор – отец, на сей раз оказался настоящий. И таков не один Хитров.

– Очень слабое произвел на меня впечатление ростовский секретарь Басов, – продолжает делиться впечатлениями отец. – По-моему, он недостаточно хорошо знает дело, фразер. Выступал по бумажке. Что ему написали, то и прочел. У Петра I был указ, запрещающий боярам выступать по писанным речам, дабы глупость одного видна была. Правда, у меня о нем очень «беглое представление», – отец как бы извиняется.

И зря, представление у него сложилось самое правильное. Через год, в июне 1962 года в Новочеркасске, Басов покажет, чего он стоит.

– Мне жаловались на Кубани, что там обманули рабочих совхозов, что у них коров отобрали, а молоко не продают, – не может успокоиться отец. – Надо привлечь к ответственности партийного секретаря Краснодарского крайисполкома Матюшкина, он 100 тысяч коров отобрал у рабочих совхозов и всех зарезал, план по сдаче мяса перевыполнял. Теперь его послали секретарствовать в Калугу.⁶⁵ Что, он там лучше станет? Человек провалился, и опять его шлют на партийную работу. А вообще-то, куда его пошлешь? Так он хоть языком болтать будет, а иначе ни на что он не годен.

– Пензенский секретарь обкома Бутусов тоже примитивен, – продолжает отец. – Прямо в зале отобрал у свинаря билет на совещание за то, что он мне передал письмо.

Отец это заметил, стал стыдить Бутусова, тот оправдывался, что «случайно сунул чужой билет в карман» и, уже после вмешательства отца, столь же случайно «обнаружил этот билет у себя в кармане».

– А вот Тамбовский секретарь обкома Золотухин все просил, чтобы его выпороли, сняли штаны – и выпороли (в понимании отца он – еще один гоголевский персонаж, вроде «унтер-офицерской вдовы»). Все виноватым себя признавал и приговаривал: «Да, товарищ Хрущев, надо штаны снять и выпороть». Он это три раза повторил.

Я не утерпел и ответил: «Что вы все штаны норовите снять и зад нам показать? И это секретарь обкома?!»

Правда, не все такие, как Хитров с Золотухиным. На отца лучшее впечатление произвел Орловский секретарь Николай Федорович Игнатов и Белгородский Александр Власович Коваленко, последний – «человек понимающий, уверенный в своих силах, вызывающий доверие». Горьковский секретарь Леонид Николаевич Ефремов – «человек энергичный, беспокойный». Хорошее впечатление осталось и от Дагестанского секретаря обкома Абдурахмана Данияловича Даниялова, Кабардино-Балкарского – Тимбора Кубатиевича Мальбахова, первых секретарей Азербайджанского ЦК – Вели Юслуфовича Ахундова и Армянского ЦК – Якова Никитича Заробяна. В Адыгейской автономной республике тоже, по мнению отца, «дела идут неплохо».

Но общее впечатление у него мрачное, секретари обкомов «постарели, одряхлели, истрепались. Не здоровьем истрепались, а языком. Дали ему вотчину, а он там и правит, пока не провалится. Тогда надо просто сказать: мы банкроты. Какой это коммунизм, когда жрать нечего? Надо менять людей, другого выхода нет. Другой выход – это провал».

Внутренне отец понимает, что «смена людей» – не более чем полумера, но ничего иного он пока предложить не может. В 1960 и 1961 годах из ста одного секретаря обкомов заменят пятьдесят семь, но и после смены руководства дела в регионах кардинально не улучшатся.

⁶⁵ После этих слов Хрущева Матюшкина «на Калугу» не назначили.

Новые оказались не лучше старых. Заменить обкомы совнархозами, а секретарей обкомов – их председателями? Отец было заикнулся о подобном варианте, но наткнулся на сопротивление всех своих ближайших коллег; обкомы – стеновой хребет власти, не только партийной, а всей системы власти государства. Следовательно, надо подойти с другого конца – профессионализировать обкомы. Легко сказать, а как сделать? Да и вообще, это только часть задачи, требуется не только реорганизовать верхи, но и сделать так, чтобы низы, колхозы и совхозы, работали без погонялки. Эти вопросы неотступно преследовали отца, пока вопросы без ответов.

Тем временем, 23 февраля 1961 года отец проводит в Кремле предпосевное совещание представителей Нечерноземья и улетает на восток. 1 марта он в Свердловске, 4 – в Кургане, 8 – в Новосибирске, 14 марта – в Акмолинске (в Казахстане). Везде проводит совещания, внимательно выслушивает доклады и выступления, вникает, разбирается в местной специфике.

В Акмолинске, отец предложил переименовать этот город, к примеру, в Целиноград. Акмолинск» по-казахски означает «Белая могила», что, наверное, соответствовало месту в давние времена кочевников-овцеводов, аргументировал отец, но теперь это столица богатейшей житницы и название ей надо дать соответствующее.

Одновременно он порекомендовал казахам перенести столицу республики из Алматы сюда, в гущу жизни, в центр Целинного края.

Акмолинск уже 20 марта переименован в Целиноград, а вот переезжать из райских предгорий Алатау в степь с ее нестерпимым летним жаром и лютыми морозами казахи не торопились. Отец не настаивал.

В конце XX века Целиноград, переименованный в Астану, стал столицей независимой Республики Казахстан.

Из Целинограда отец перелетел в Алма-Ату, там он занимался проблемами хлопка, ирригацией Ферганской долины и Голодной степи.

24 марта, после почти двухмесячной поездки, отец возвратился в Москву.

31 марта 1961 года он отправляет в Президиум ЦК сорокастраничную записку со своими впечатлениями. И тут он начинает с кадров, сравнивает выступления участников совещаний, проходивших несколько лет тому назад, с нынешними. «Видишь, как выросли люди в колхозах и совхозах»... и одновременно «...не перевелись среди первых секретарей обкомов партии такие, кто плохо знает сельскохозяйственное производство, не взялись по-настоящему за изучение экономики...» Кадры – головная боль отца, но далеко идущих выводов он в этой записке не делает.

Отец отмечает, что после распахивания целины в Казахстане остается до 90 (девяноста) миллионов гектаров пастбищ, есть где развивать животноводство.

Беспокоит его отставание со строительством жилья на целине. За прошедшие два года недодали 7,7 миллионов квадратных метров, и, что хуже всего, недостача идет по нарастающей: в 1959 году – 1,9 миллиона, а в 1960-м уже 5,8 миллионов. Виною тому сокращение капиталовложений, игнорирование современных индустриальных строительных технологий.

«Мы не можем рассчитывать на энтузиазм людей, – пишет отец. – Дома имеют плохой вид, мало современных зданий, построенных с применением новых материалов. Много бараков. Строительство школ, детских садов, яслей ведется с нарушениями типовых проектов. Заводские поселки производят неприятное впечатление, постройки одноэтажные, растянуты на несколько километров. Вношу предложение принять Постановление об организации строительства в целинных районах».

Постановление приняли, дела немного поправились. В общем, как говорится, – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Отец заключает записку экономикой, говорит о комплексных бригадах на хозрасчете. Ему они представляются некими почти независимыми ячейками, самостоятельно производящими продукцию и имеющими заработанные средства в своем распоряжении. Однако с выводами он и тут не спешит, предлагает «ученым экономистам серьезно проанализировать новые явления, сделать научные выводы и рекомендации о наиболее эффективном, рациональном ведении хозяйства».

В записке отец много места уделяет деталям, пишет о заинтересовавших его конкретных новшествах, делится впечатлениями о встречах.

На этом отец закончил подготовку к посевной, но в Москве ему не сиделось.

1961 год – юбилейный. 5 мая 1961 года начались торжества по случаю сорокалетия установления советской власти в Армении. Хрущев там почетный гость, выступает с поздравлениями, а по завершении официальной церемонии едет в самую знаменитую в те годы Бюроканскую обсерваторию посмотреть на звезды, поговорить с ее основателем, не менее знаменитым астрофизиком академиком Виктором Амазасповичем Амбарцумяном, специалистом по нестационарным звездам и газовым туманностям, первым обнаружившим новый астрономический феномен – звездные ассоциации. Отец провел у Амбарцумяна почти целый день, разрезал красную ленточку и осмотрел новый, только что смонтированный ленинградцами телескоп, прослушал лекцию о последних достижениях науки о звездах, попил с астрономами чаю.

На следующий день отец не мог отказать себе в удовольствии проехаться по полям и, не заезжая в Ереван, напрямик отправился в Тбилиси. Грузины, вслед за армянами, праздновали свое 40-летие. Отец уже посетил Грузию в феврале, но побывать в Ереване и не заехать в Тбилиси! Снова юбилейные речи, а после них посещение электровозостроительного завода, в те времена самого современного в стране, и чайных плантаций Кахетии.

15 мая отец возвращается в Москву, а уже 28-го, поездом, отправляется в Вену на встречу с Президентом США Джоном Кеннеди. Два дня проводит в Киеве, встречается с украинскими руководителями, затем посещает могилу поэта Тараса Шевченко в Каневе. 31 мая отец останавливается в столице Словакии Братиславе.

3 и 4 июня в Вене идут непростые переговоры, лидеры двух стран не договариваются почти ни до чего, но происходит главное: они знакомятся.

5 июня отец возвращается самолетом в Москву, там его уже поджидают Президент Индонезии Сукарно, премьер-министр Лаоса принц Суванна Фума и лаосский принц Суфанувонг. Отцу есть чем их порадовать, единственное достигнутое в Вене соглашение напрямую касается Лаоса. Кеннеди пообещал не проводить политику военного вмешательства в их дела.

6 июня отец поздравляет Сукарно с шестидесятилетием, и они вместе уезжают на два дня в Ленинград.

24 – 25 июня отец снова в Алма-Ате, на праздновании 40-летия образования Казахстана. На самом деле, 20 августа 1920 года образовалась Киргизская Автономная республика в составе Российской Федерации, а в июне 1921 года, в новой автономии прошла первая партийная конференция. К этой дате и пристегнули торжества. Казахстан, как и Киргизия, получил статус союзной республики только 5 декабря 1936 года. Так что праздновать следовало не 40-летие, а 25-летие, и не одним казахам, но киргизам тоже. Но казахское руководство делиться праздником с соседями не захотело, и даже во всех документах задним числом переименовали Киргизскую Автономную республику в Казахскую. Отцу обо всех этих хитростях хозяева не сказали, а киргизы дипломатично промолчали. Куда им после распахки целины тягаться с Казахстаном? Празднества прошли по высшему разряду, снова речи, поздравления, затем поездка по хлопковым полям.

27 июня отец в Москве принимает премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга.